

Эссе

«Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется...» (Ф.И. Тютчев):
к 220-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева.

Это было в Светлую Седмицу, первого мая, на четвёртый день после Великого праздника Воскресения Христова. Я шла по улицам вдоль вековых зеленых елей и сосен, вдоль расцветших кустов терпкой сирени посёлка Переделкино. Невозможно налюбоваться местной природной. Тогда уже расцветала ароматная черёмуха, распускались белые соцветия. Тут же в голове вспоминалась строка из стихотворения Владимира Кострова:

Грядущее темно и неизвестно,
А прошлое прозрачно, как стекло.
Черёмуха, красавица, невеста,
О, сколько лет сквозь ветви утекло.

Здесь «слышится порой порой ключа таинственного шёпот» – тютчевский шёпот сквозь столетия, раздаваемый в словотворчестве Пэтов-современников.

В Переделкино, находящемся на земле древнего села Спасское-Лукино, красуется Соборный храм в честь святого благоверного великого князя Игоря Черниговского, величественного и торжественного облика с высокой папертью, старое Патриаршее Подворье, возведённое по случаю юбилея Святейшего Патриарха всея Руси Алексия I, оберегающее в наше время жителей села Переделкино. Помню здесь первую встречу с семьёй Костровых. Галина Степановна за столом восхищалась, говоря об отстроенном в Переделкино Храме. «Будто бы сказочный, не настоящий», - говорила она. Помню, как за столом она спросила: «А мы все ещё живем? Скажите, ведь мы правда, ещё живем...».

В тот день Галина Степановна рассказывала о том, как когда-то работала с Василием Шукшиным, редактировала его рукописи, показывала фотографии. На кухне она готовила вареники. Дом Костровых наполнялся знакомым мне ароматом варёного теста, легким сливочным запахом от медленно тающего масла.

Когда к столу было все готово, Владимир Андреевич сидел на диване. Галина Степановна уважительно позвала его за стол: «Владимир Андреевич, присядьте к нам. Гости у нас. За стол всем нужно». Тот улыбнулся и поспешил к нам. После обеда, за разговорами он просил закурить. Галина Степановна строго запретила. А Владимир Андреевич шутит: «Галя, ты уже не та, что была раньше». Все смеются. Вот она жизнь. Вроде бы находишься в чужом доме, где бывает поначалу неловко. И вот уже через время будто бы у себя, в родном уголке, с родными, давно знакомыми людьми. Это так, когда все живо, неподдельно.

В тот день он рассказал, как когда-то побывал в тютчевском Овстуге, где проходил праздник поэзии. Вместе с Петром Палиевским Владимир Андреевич тогда стал лауреатом Тютчевской премии, прошедшей в 45-й раз. Обращаясь к почитателям лирического и провидческого дара Тютчева, Владимир Костров поставил поэта один ряд со святыми подвижниками земли Русской и такими ее титанами, как Державин, Пушкин, Блок, Толстой, Шолохов. Прямую параллель провел он между Тютчевым и Пушкиным, заявив: овстугский праздник поэзии— родной брат того, что в эти же дни проходит на Псковщине, в Болдино. «Это два великих имени, святых для нас,— сказал Владимир Андреевич. —Мы живем с ними в одном времени, художественном, и не можем выйти из него. Пушкин и Тютчев присутствуют среди нас—их дух, их слово.

В доме Костровых в небольшой комнате, где пахло свечами и ладаном, мы угощались пасхальным куличом. В комнате висят на стенах нарисованные портреты Владимира Андреевича, на книжных полках—тома поэта «чистого искусства», полученные в Овстуге, в награду за труды, на тумбах стоят его фотографии с женой, детьми, Георгием Свиридовым, Валентином Распутиным, Василием Беловым, черно-белые фотографии его семьи. «Вот женщина с седыми волосами с простого фото смотрит на меня. Тем чаще вспоминаю я о маме...» -висит на стене в рамке портрет матери Владимира Андреевича. В красном углу комнаты стоят иконы, которые на протяжении многих лет дарили Владимиру Андреевичу, оберегали семью, дом поэта. В углу напротив—две деревянные скульптуры святых, некогда принадлежащих церковному убранству, которые поэт нашел в храме, уничтоженном во времена богоборчества. Владимир Андреевич рассказал об этом сам и прочитал строки из посвящённого этому событию стихотворению:

В дни юности, как мне казалось, сдуру,
В безбожной комсомольскости своей
Нашёл я деревянную скульптуру
В какой-то из разрушенных церквей.
Она покраской старою белела,
От сырости немного отцвела
И на оплечьях, видимо, имела
Когда-то два оторванных крыла.
И вот теперь пред жизненным пределом,
Перебирая прошлое своё,
Считаю небольшим, но Божьим делом,
Что я отмыл и высушил её.
В немецких кирхах и в соборах Англий
Я замирал, сознанием томим,
Что дома ждёт меня домашний ангел,
А может быть, крылатый серафим.

В нем поэт, правдив. Он признаётся в том, что вёл атеистическую жизнь. Признается, что жил без веры. Но эта судьбоносная находка найдёт отражение в последующей его жизни. Из воспоминаний Владимира Андреевича

она случилась около 33-летнего возраста. Нужно отметить параллель. Случилась она примерно в том возрасте, когда был распят за человеческие грехи, ради Великого Спасения, Иисус Христос. Подобное совпадение не случайно, ведь в жизни поэта произошла встреча с иным миром, невидимым, чистым, которого раньше не замечал, который был будто бы скрыт из его видения. Произошло перерождение души, подобно обретению духа и единства Руси, Крещённой равноапостольным Владимиром, который является святым покровителем Владимира Кострова. Поэт ведает нам о своём крещении в тяжелое время для страны, для народа. В своём стихотворении он отражает самое важное и дорогое сердцу и душе событие-таинство Крещения, ознаменовавшее издавна неразрывную связь с Богом, открывшее путь к Небу: Молитвою отца Серапиона

Я был допущен в этот горький мир.
Был храм забит — меня крестили в бане,
От бдительного ока хороня.
Телёнок пегий тёплыми губами
В предбаннике поцеловал меня.
И стал я жить, беспечен и доверчив,
Любил, кутил и плакал на износ.
Но треснул мир, и обнажилась вечность.
Я вздрогнул и сказал: «Спаси, Христос!»

С неуловимым течением времени меняется жизнь поэта, а значит, и его творчество, поэзия жизни приобретает боговдохновенный образ. Вспыхнувший огонь веры испокон веков до наших дней вдохновляет, одухотворяет человечество. И поэтика Владимира Андреевича со временем, с приобретённым жизненным опытом становится чувством воздаяния Господу.

В Библии говорится: «Слово Твоё светильник ноге моей и свет стезе моей». Посредством слова Бог ведёт нас по жизни, мы ведём разговор с Богом, просим помощи и благосклонности в начале всякого дела с помощью слова, раскаиваемся в содеянных грехах неистощимой силой слова, воздаем благодарность за присутствие Божие в нашей жизни на земле. Каждый человек ищет свой жизненный путь, своё назначение, которое, наверное, предписано Свыше. Бог определил для Владимира Андреевича Кострова удивительное призвание- быть художником слова.

При встрече с Владимиром Андреевичем для меня стало исключительным моментом осознание того, сколько жизнелюбия, энергии, подлинной искренности по сей день исходит от этого человека. Откуда столь сильное чувство любви к жизни? Из истории, из памяти, из житейского опыта.

Владимир Костров, проведший детство в деревне Власиха Богоявленского района Костромской области, не понаслышке знает о войне.

Время его юношества пришлось в период Великой Отечественной войны, смертей своих родных, не пришедших солдат родного края. Его детство

прошло в ожидании заветного отцовского опалённого фронтового письма-треугольника - единственного извещения того времени о том, что отец жив. Детство будущего поэта-ожидание спокойствия, надежды о мире, веры в спасение. Именно эта вера спасла и отца Владимира Кострова. Он вернулся домой с войны. Думаю, именно с этого события огромного семейного счастья ведёт начало существующая ныне неиссякаемая любовь к жизни, где возникает божественное триединство-любовь, надежда и вера, неразрывных между собой Святых понятий.

Владимир Костров относится к поколению детей войны Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Глеба Горбовского, Алексея Прасолова, всех тех, кого застал бесчеловечный след войны. Их поэзия проникнута горечью судьбы, настигшей русский народ, страхом, но в то же время гордостью за своё Отечество, породившей бесстрашие перед жестоким временем, а затем и Великую Победу. Она отражает целую эпоху, любовь к Родине, собственный взгляд автора на происходящее. «Война-переходяща, а лирика-вечна», - это слова поэта-фронтовика Леонида Хаустова. Нельзя не согласиться с этими строками, ведь поэзия, принадлежащая определенной эпохе, с собственными характерными ей явлениями и событиями-человеческое наследие. Посредством литературного труда, поэтики, молодое поколение приобретает жизненные ценности, знания. Так, творчество Владимира Кострова зачастую устремлено в будущее. Он обращается к будущему поколению, к полным энергии молодым людям:

Смуту и безверье не приемль,
А иначе точно быть беде...
Над рекой Великой белый кремль-
Как Христос, идущий по воде.
Прикоснись душой к старине
Мимо деклараций и затей.

Безверие, богоборчество Владимир Костров видел своими глазами. Он жил в безбожное советское время, когда людей настигал страх веры. Поэтому и трудно оставаться или становиться верным Господу. Только истинно верующие люди сохранили ее в себе, не поддаваясь антирелигиозным убеждениям, сторонясь богохульства, безбожия. История России наполнена примерами преданности веры в Господа ценой мученической смерти. С приходом безбожной власти в смутное и жесточайшее революционное время жили люди, призванные сохранить веру на этой земле. Священномученик Владимир Богоявленский незадолго до своей мученической кончины произнёс слова: «Я во все время готов отдать жизнь свою за Церковь Христову и за веру православную, чтобы только не дать врагам ее посмеяться над нею. Я до конца буду страдать, чтобы сохранить Православие в России...» Это сила Вечного слова, потому как главная мысль этих строк возникала в людских умах прошлых веков, борющихся против безбожия, находила отражение в будущих поколениях, которым приходилось так же страдать за веру Господню. Благодаря им сохранялась надежда на новую, мирную жизнь без страха,

без гонений, о чем писал преподобный Серафим Вырицкий в последующие смутные годы, предвещавшие войну на Русской земле:

Пройдет гроза над Русскою землею,
Народу русскому Господь грехи простит
И крест святой Божественной красою
На храмах Божиих вновь ярко заблестит.

И звон колоколов всю нашу Русь Святую
От сна греховного к спасенью пробудит,
Открыты будут вновь обители святые,
И вера в Бога всех соединит.

Владимир Костров заботливо предостерегает во избежание событий, сложившихся в России 20 века, устремляет современников на мир, на праведный путь, через слово наставляет чтить память о своей Родине, о героических подвигах, о корнях своего рода, а главное-сохранять веру в Божественную силу, потому что мы-наследники, преемники памяти:

Мы дети тех солдат. Мы ветви дерева.

Нам память поколения доверена.

Мы дети русской синевы и снежности,

Носители народной горькой нежности.

Владимир Костров по истине русский писатель. В своём творчестве он воспевает свою родную землю, передаёт своё душевное состояние, когда вспоминает о родных краях. На страницах его книг мы встретим образы «ветлужских лесов», «костромского захолустья», -его отчий край, где провёл детство, «березы над желтой нивой». Владимир Костров отражает народный дух, русский быт, единственный в своём роде, непохожий, не присущий никакой другой стороне земного шара: «журавлиные песни», «топленое масло коровье», «янтарная смола», «летний ветер Родины моей», сумерки «осенние и летние, росистые, знакомые и грустные, российские». Каждый уголок своей страны знаком ему, любим, поскольку именно эта земля породила его, на этой земле он живет.

Поэт видит своим долгом перед читателем достучаться через слово и мысленную беседу к человеческим чувствам, людскому разуму. Поэзия Кострова несёт исповедальный характер. В ней он отражает собственный внутренний мир, ведёт разговор с Богом и делится этим разговором с окружающими людьми.

Поэты-дети войны, последние люди нашего времени, кто в своём творчестве отражает то время, встретившись с ним наяву, они «последняя нежность войны»:

Мы — последние этого века.

Мы великой надеждой больны.

Мы — подснежники. Мы из-под снега,

Сумасшедшего снега войны.

Эта надежда на будущую счастливую мирную жизнь, которая приобретается с верой в Господа. Этот мир существует лишь благодаря неразрывной нити со своим Творцом- Вседержителем. В Евангелие говорится: «В начале было слово и слово было Бог». Великое слово Бога, создавшего мир, по сравнению святителя Филарета Московского, подобно алмазному мосту, на котором все сотворенное держится «под бездной Божией бесконечности, над бездной собственного ничтожества». Именно с принятием Бога в душе человеческой возникает существование мира видимого и невидимого. Поэту должны быть присущи видение многообразного мира красочными оттенками, умение чувствовать человеческие души, способность прислушиваться к посылам, исходящим Свыше. По моему мнению, такими способностями наделён Владимир Костров. Он ведаёт читателям многогранную жизнь, через силу слова передаёт жизнелюбие, человеческое счастье, приобретённое с годами, которое необходимо беречь:

Да минуют беды и печали
Каждый колосок родной земли,
Лишь бы в счастье мы не растеряли
то, что в горьком горе приобрели.

Поэзия Кострова устремлена в вечность. Она находит отражение в непрекращающемся духовном росте поэта, как приемника «пророчески-неясного сна» Тютчева. Строки его стихотворений побуждают человека направиться на верный путь жизненных исканий, они способны воодушевить человека, избавить от человеческих страданий хоть на мгновение. Поэтика Кострова переносит читателя в иной совершенный мир, где живет мотив праведности, где торжествует единство, покой, как поэт говорит: «Мы все братья, мы-люди одной цепи». Значит, у каждого из нас одна дорога-дорога, ведущая к Богу. Различие состоит лишь во времени, отведённом на жизненный земной путь и человеческими деяниями, совершенными на пути, проводником которого является Господь Иисус Христос. В Евангелие говорится:

«Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне». Так, с пребывающей в нас верой, мы идём по жизни. Все, что происходит на жизненном пути даровано и воздаваемо нам Богом. На протяжении всего своего жизненного пути человек стоит перед Единым нашим Господом. Святитель Иоанн Златоуст писал: «Если мы будем воздавать честь Богу, этим доставим честь самим себе». Господь наградил Владимира Кострова дарованием творчества посредством слова. «Жизнь и поэзия-одно», творчество поэта неразрывно связано с верой, теплящейся в его душе, оберегающей его. Главное умение поэта есть видение мира иными глазами, взглядом, способным увидеть неземное, исключительное, нечто недостижимое. Именно такими чертами наделена поэтика Кострова. По Библии – «Слова уст человеческих-глубокие воды; источник мудрости-струящийся поток». Поэзия Кострова-глубоководная река жизни, пребывания в человеке

духа, наполненная жизненными размышлениями, это река человеческого творчества, несущая нас, читателей, потоком к пути преданности вере в Бога. Тому пути следовал и Ф.И.Тютчев. Современная поэзия сквозь века полна традиций, отзвуков тютчевской «вещей души», не стоит предугадывать, что истинное слово пройдет и в будущее, прильнув «к ногам Христа навек».